

ЖИЗНЬ ^{1-я} ВЪ ПЛѢНУ

177

ДАМЫ и БАРЫШНИ

Если Вы желаете одеваться
ДЕШЕВО и ЭЛЕГАНТНО
то выписывайте журналъ

МОДНЫЙ СВѢТЪ

(Сорокъ седьмой годъ изданія).

Всѣ подписавшіеся на 1915 г. получаютъ 1-го и 15-го числа
каждаго мѣсяца, кромѣ Юня и Юля.

20 ВЫПУСКОВЪ БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ
НОВѢЙШИХЪ МОДЪ въ многокрасочн. облож-
кахъ, по типу лучшихъ заграничн. журналовъ
по слѣдующей программѣ:

Въ отличіе отъ другихъ женскихъ журналовъ «Модный Свѣтъ»
ставитъ на первомъ планѣ модный отдѣлъ, причемъ прибавляетъ къ
потребностямъ русской семьи и выбираетъ изъ новѣйшихъ парижскихъ
модъ только то, что можетъ быть одѣяно дома самой или при помощи
домашней портняхи.

Другая особенность нашего журнала состоитъ въ томъ, что онъ
не даетъ выкройки ластовъ устарѣлаго типа, по которымъ вы-
кройки и большіе трудны и потерей времени выкройки при по-
шивкѣ. А въ каждомъ номеру журнала прилагаются совершенно
удобныя **вырѣзные выкройки** въ натуральную величину безукорен-
но точно выражающаго попоръ съ промѣрными цифрами на среднюю фи-
гуру, снабженныя подробными указаніями какъ кроить и какъ шить.

Благодаря этимъ выкройкамъ каждая подписчица можетъ шить
себѣ и своимъ дѣтямъ не только платья и блузы, но даже верхнія
вещи и шляпы по послѣдней модѣ, не прибѣгая для этого къ помощи
портняхи или модистки.

Для удобства бесплатныхъ выкроекъ построены поминанію каждой
граммной женщины, составляющія подробный рисунокъ и шитья

Забудете модный отдѣлъ? Баронесса Де-Сенъ Маръ,
руководителемъ въ Парижѣ известнаго художника Г-НОМЪ
ШЕЛЬОНЪ, троникъ, могъ доставлять намъ спеціальная корреспонден-
ция изъ Парижа Г-ЖА СИБЛЕЪ ПЪ.

Въ каждомъ номерѣ журнала «Модный Свѣтъ» помещаются по-
эты, рассказы и стихи известныхъ русскихъ и иностран. писателей,
статья по самымъ вопросамъ общественной жизни русской женщины,
педагогич. статьи по домашней рукодѣльн., домашней медицинѣ, вос-
питанію дѣтей и домашнему хозяйству, а также отдѣлы: кулинарный, космо-
логическій и почтовый ящикъ съ отвѣтами практическаго характера.

Всѣ подписчицы журнала «Модный Свѣтъ»
получаютъ въ 1915 г. слѣдующія бесплатныя
приложенія:

20 Вырѣзныхъ выкроекъ и листовъ съ КОНТУРАМИ
для рисунковъ рукодѣлій въ натуральную величину,
стоящихъ въ отдѣльной продажѣ не менѣе 5 р. б.

АЛЬБОМЪ ДАМСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ въ изящной
красочной обложкѣ, стоящій въ отдѣльной продажѣ 1 руб.

ПАНОРАМА НОВѢЙШИХЪ МОДЪ
исполненная въ краскахъ, стоящая въ отдѣльной продажѣ 50 коп.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ напечатанный
тремя красками.

Подписка на журналъ «Модный Свѣтъ» со
всеми приложеніями на годъ: **3 р.**
съ доставкой и пересылкой во все мѣста Россійской Имперіи
НА ПОЛЪ ГОДА 1 р. 65 к.

Адресъ Конторы журнала «МОДНЫЙ СВѢТЪ»
Петроградъ, 1 отд.—Невскій пр., 82.

Открыта подписка на 1915 г.

(Седьмой годъ изданія),

на литературно-художественный семейный иллюстриров. журналъ

ЖЕНЩИНА

съ галлереей картинъ въ краскахъ, по образцу заграничныхъ
изданій и съ приложеніемъ рѣдкихъ книгъ и цѣнныхъ премій.
Подписавшіеся на 1915 годъ получаютъ: 1-го и 15-го числа **каждаго мѣсяца**:

24 роскошныхъ выпуска
лит. р.-художеств. журнала
— **„ЖЕНЩИНА“** —

Рассказы, миниатюры и стихи лучш.
русскихъ и иностр. писательницъ и
писателей. Стихотвор. военный ро-
манъ — о любви и женская жизнь —
Вѣра и жизнь — До 60 картинъ и
рис. въ кол. вып. и до 20 самостоя-
тельныхъ отдѣловъ, посл. женщины.

24 в-пуска специаьнаго
— женскаго журн-ла —
заключающаго въ себѣ четыре отдѣла
и съ остат. — выхъ отдѣла
I. Материнъ о дѣтяхъ — II. Жен-
скій трудъ. — III. Элегантная же-
нщина. — IV. Домъ и хозяйство.
Съ рисунками и иллюстр. въ текстѣ.

24 РОСКОШН. ВЫПУСКА
литературно-художеств.
альманаха, со иллюстр. и иллюстр.
— **„ВОЙНА и МИРЪ“** —
Сенсационные военные рассказы луч-
шихъ русскихъ и иностранныхъ пи-
сателей. — Картины войны — художе-
ственные миниатюры собственн. рукъ
корреспондентовъ. — Оригинальная
картина и рисунки лучшихъ рус-
скихъ и иностранныхъ художниковъ.
Хроника войны въ художественныхъ
звѣздахъ и альбомкахъ. — Каррикату-
ры лучшихъ художниковъ-юморис-
товъ. — Статьи. — Фельетоны. —
Мелочи. — Анекдоты и т. д.

20 роскошныхъ выпусковъ
— **„ПОСЛѢДНЯЯ МОДА“** —
Лучшая мода Парижа, Лондона и
Нью-Йорка. — Блуды, платья, верхнія
вещи. — Дѣтскія моды. — Рукодѣлья.
Прически. — Совѣты и указанія.

20 ВЫКРОЕКЪ ЛИСТОВЪ
въ натуральн. величину,
нѣбольшаго типа съ подробными ука-
заніями какъ кроить и шить, не
только блузы и платья, но даже
верхнія вещи и шляпы.

96 страницъ для роли и
нотъ для пѣнія.
Всѣ лучшія новинки РУССКИХЪ,
французскихъ, английскихъ, бельгій-
скихъ и итальянскихъ композиторовъ.

96 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ
ОТКРЫТ. ПИСЕМЪ,
посл. войны, съ героями и героинями.

24 КНИГИ литературно-ху-
дожествен. до-
машней библіотеки, въ томъ числѣ:
ДЕСЯТЬ ВОЕННЫХЪ РОМАНОВЪ,
лучшихъ иностранныхъ писателей
подъ общими названіемъ:

**„ВОЙНА прежде, теперь
и потомъ“**,
заключающіе въ себѣ 10 слѣдую-
щихъ законченныхъ романовъ:
Саламбо. Романъ Фобера. — Ва-
терлоо. Эркмана-Шатриана. — Раз-
громъ Эмеля Золя. — Долой оружіе.
Бернард Шоу. — Изъ жизни ма-
ленькаго гарнизона. Ромъ вь Ласе
Воннъ въ полкухъ. Уэльсъ. —
Шипинка или рат. ра. Романъ Г.
Флоберъ. — Таисманія. Валь-
теръ Скоттъ. — Азия въ огнѣ. Бро-
кьеръ и Гюитинъ. — Предатель. Го-
манъ какъ война 1914 г. Огюста Маре.

5 ТОМОВЪ ЛУЧШИХЪ
БИБЛИОТЕКЪ ПОДАРОКЪ
для дѣтей старш. вѣдн. возр.
Дѣтскія романы для старшаго воз-
раста **МАРКА ТВОИНА**. Дѣтскіе аль-
манахи для младшаго возраста.

3 ТОМА литерат., но-
художественн.
ЮМОРИСТ ЧЕСКИХЪ СОБРАНИКОВЪ
съ рассказами и юморесками лучш.
русскихъ и иностран. юмористовъ.

4 ИЗЯЩНЫХЪ ЛИТ.-ХУДОЖ.
АЛЬМАНАХОВЪ,
составлен. изъ избранныхъ произве-
дений лучш. рус. и иностр. писателей.

2 ТОМА ОДНОКРАТНЫХЪ
ЩЕБРОКЪ:
ВЕСЕЛЫЯ МИНИАТЮРЫ
для домашн. и любит. спектаклей.

100 КАРТИНЪ лучшихъ
иностран. худож.
Шедевры графическаго искусства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **ЖЕНЩИНА** со всеми приложен.
на журналъ **„ЖЕНЩИНА“** на годъ: **8 РУБ.**
съ доставкой и пересылкой во все мѣста Россіи.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА подписной платы: при подпискѣ
3 р., къ 1-му Мая 3 р., къ 1-му Юля 2 р.

Для служащихъ, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при кол-
лективной подпискѣ за поручительствомъ гл. казначействъ и управляющихъ допу-
скается разсрочка: при подпискѣ 1 р. и вѣтъ въ теченіе первыхъ семи мѣсяцевъ
по одному рублю.

Пробный № высылается за четыре 7-ми коп. почт. марки. Подробный проспектъ
и каталогъ книжнаго склада высылается — **БЕЗПЛАТНО**.

Деньги адресовать въ контору журнала **„ЖЕНЩИНА“**,
Петроградъ, 1 отд.—7-я Рождественская, 30.

ЖИЗНЬ ВЪ ПЛѢНУ.

ПЛѢННЫЕ.

Осенний день... Вдоль сѣраго перона
Жандармовъ нить, манто и котелки...
На запасномъ пути, три зябнувшихъ вагона
Полны осенней плачущей тоски...
Вдали, въ клубахъ расплывчатого дыма
Ужъ очертился хриплый силуэтъ...
— «Назадъ!.. Подайся!..» И ужъ чертятъ мимо.
Вагоновъ гулкой быстролетный слѣдъ...
Выводятъ... Обезцвѣченныя лица,
И въ каждомъ есть притупленный укоръ,
И кажется, что только небылица
Могла ихъ двинуть на сплошной позоръ...
И въ сердцѣ теплится ужъ откликъ состраданья,
Ужъ не коробятъ мѣрные шаги,
И тутъ характерно для русскаго сознанья
Родится мысль, что «эти».. не враги!..

Сергѣй Михѣевъ.

КАКЪ БЕРУТЪ ВЪ ПЛѢНЪ НѢМЦЕВЪ.

Интересный эпизодъ имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ послѣднихъ боевъ подъ Л.

По шоссе двигалась германская mortarная батарея, состоящая изъ восьми орудій; каждое изъ орудій запряжено восьмеркой рослыхъ лошадей.

За батареей шелъ небольшой отрядъ пѣхоты.

Лившіе за послѣдніе дни дожди испортили, хотя и незначительно, дорогу.

Командиръ выбиралъ удобную позицію; его взглядъ упалъ на не-

большой холмъ, лежавшій въ полуверстѣ отъ шоссе, пришлось свернуть и ѣхать прямо по полю.

Колеса тяжелыхъ орудій вязли въ рыхлой землѣ; лошади выбива-

лись изъ силъ; на помощь имъ пришли солдаты.

Общими дружными усилиями, послѣ трехчасовой энергичной работы, орудія были втащены на возвышеніе.

Какъ нѣмцы сдаются въ плѣнъ.

Австрійскіе плѣнные солдаты въ Москвѣ.

Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени занятая батареей позиція оказалась невыгодной; была отдана команда, трогаться впередъ.

Разыгралась цѣлая трагедія.

Несмотря на всѣ усилія, лошади не могли сдвинуть съ мѣста тяжелыхъ орудій.

Колеса глубоко ушли въ землю.

Старались изо всѣхъ силъ солдаты, но орудія ни на шагъ не тронулись впередъ; не помогли ни нещадные побои, сыпавшіеся на спины несчастныхъ лошадей, ни крики и угрозы—на головы солдатъ.

Командиръ батареи выходилъ изъ себя.

Какъ вдругъ, вдалекѣ на шоссе, показался разъѣздъ казаковъ.

Среди батарейной прислуги поднялась паника. Съ удвоенной энергіей посыпались удары и крики, не имѣвшіе, впрочемъ, никакихъ послѣдствій.

Колеса орудій съ каждой минутой, какъ будто еще глубже уходили въ землю.

На нѣкоторомъ разстояніи разъѣздъ казаковъ, состоявшій изъ двадцати человекъ, остановился, разсыпавшись такъ цѣлью, что нѣмцы никакъ не могли сообразить, сколько многочисленнымъ противникомъ они имѣютъ дѣло. На непріятельской позиціи кипѣла работа, казаки за ней наблюдали.

Начальникъ разъѣзда послалъ двоихъ казаковъ въ N., гдѣ расположены были наши войска, верстъ за 15 отъ мѣста катастрофы, — передать, что германская мортирная батарея находится въ безвыходномъ положеніи, а потому необходимы отъ насъ лошади ее вывезти.

Тѣмъ временемъ самъ съ восемнадцатью казаками разбросанной цѣпью, съ громкимъ крикомъ «ура» бросился къ непріятельской позиціи.

Нѣмцы пришли въ полное замѣшательство.

Наскоро перерѣзавъ ремни, бросивъ орудія на холмѣ, они вскочили на лошадей и пустились удирать.

Казаки ихъ преслѣдовали; нѣкоторыхъ перебили, а нѣкоторыхъ захватили въ плѣнъ, причемъ сами потери не имѣли.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ 8 орудій и десятка два плѣнныхъ находились подъ охраной 18 казаковъ.

Прискакалъ нашъ отрядъ; въ орудія были впряжены наши маленькія, сибирскія лошади, по 6 въ каждое.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ орудія медленно двигались по полю, а затѣмъ, выйдя на шоссе, направились въ сторону N.

Плѣнные нѣмцы разводили только руками.

— Такія маленькія лошади, и такія сильныя! — говорили они, — а

наши большія взять не могли! Просто, какъ въ сказкѣ!

КАКЪ АВСТРІЙЦЫ СДАЮТСЯ ВЪ ПЛѢНЪ.

Одинъ раненый офицеръ рассказываетъ цѣлый рядъ эпизодовъ о томъ, какъ австрійцы сдаются въ плѣнъ.

— Наша рота, — говоритъ онъ, — проходитъ поле сраженія, только что очищенное вынужденнымъ отступитъ непріателемъ. На полѣ много убитыхъ, много раненыхъ.

Подхожу къ одному австрійцу, лежащему ничкомъ, и спрашиваю по-нѣмецки.

— Что такое?

— Я раненъ — отвѣчаетъ тотъ.

— Гдѣ?

— Да вотъ тутъ рядомъ снарядъ упалъ.

— Да, гдѣ-же раненъ-то? Въ какое мѣсто?

— Я такъ, отъ выстрѣла.

Беру его, австріецъ поднимается веселый, жизнерадостный и начинаетъ разспрашивать, далеко ли ушли австрійскіе отряды.

Когда ему рассказываютъ, что непріатель загнанъ далеко, австріецъ совсѣмъ приходитъ въ хорошее расположеніе духа.

— Слава Богу, наконецъ-то. Теперь я отдохну всласть и буду въ полной безопасности. Жизнь моя спасена, а за то, что въ нашемъ плѣну мнѣ будетъ хорошо, я спокоенъ.

И всѣ эти слова говорилъ не кто иной, какъ одинъ изъ видныхъ австрійскихъ военачальниковъ-генераловъ, въ настоящее время находящійся у насъ въ плѣну.

ОТНОШЕНІЕ РУССКАГО СОЛДАТА КЪ ПЛѢННЫМЪ ЦѢМЦАМЪ.

Къ плѣннымъ нѣмцамъ у нашего солдата нѣтъ ни на ноготь злобы. Нѣмецъ безъ винтовки — уже не врагъ, а несчастное существо, которое нельзя обижать.

Вотъ картинка вчерашняго дня.

Наши разъѣдчики захватили дорожнаго нѣмца. Привели въ роту.

Вокругъ плѣннаго толпой собрались наши «земляки».

Стараются объясниться съ нимъ мимикой, жестами. Но нѣмецъ мраченъ и смотритъ исподлобья. Молчитъ.

Земляки одобрительно хлопаютъ нѣмца по плечу и говорятъ, почему-то ломая языкъ:

Раненые русскій и австрійскій солдаты за чтеніемъ газеты.

Австрійскіе плѣнные подъ охраной часового.

— У насъ плѣнъ хорошъ... Ни ни... ни чуточки не обидемъ...

Подходить унтеръ-офицеръ и начинаетъ объясняться съ плѣннымъ... Тотъ, конечно, не понимаетъ унтеръ-офицерскаго «нѣмецкаго» языка...

А унтеръ-офицеръ все показываетъ на свое обручальное кольцо, допытывается—женатъ-ли.

— А киндеровъ имѣешь? Есть, спрашиваю, киндеры?

— Kindern? — обрадовался нѣмецъ,—ja, ja,—утвердительно закивалъ головой. Drei Kindern,—и показываетъ на пальцахъ три. — Drei, drei.

Унтеръ-офицеръ сострадательно вздохнулъ:

— Тоже, бѣдняга... Дѣти, поди, плакать будутъ.

Подумалъ-подумалъ, почесалъ затылокъ и полѣзъ въ карманъ. Вынулъ изъ кошелька новенькій полтинникъ и суетъ нѣмцу.

— Женѣ, можетъ, письмо напишешь...

Нѣмецъ смотритъ вытаращенными глазами на полтинникъ и потомъ, видимо, соображаетъ, въ чемъ дѣло. Въ свою очередь лѣзетъ въ карманъ, вытаскиваетъ измятую бумажную марку и съ поклономъ протягиваетъ ее унтеръ-офицеру...

СТРЕМЛЕНІЕ АВСТРІЙЦЕВЪ ВЪ РУССКІЙ ПЛѢНЪ

Любопытныя сценки приходится наблюдать намъ при сдачѣ въ плѣнъ нашихъ противниковъ, «побѣдоносныхъ» австрійцевъ.

На-дняхъ одинъ нашъ полкъ забралъ у нихъ пятерыхъ офицеровъ,

110 солдатъ, врача и санитаровъ. Этнихъ послѣднихъ съ миромъ отпустили на свободу.

Они отошли на нѣсколько шаговъ, остановились, пошептались и... рѣшительнымъ шагомъ направились къ намъ обратно.

Нашъ офицеръ повторилъ имъ:

— Идите, вы свободны,—и получилъ въ отвѣтъ:

— Danke, aber wir wollen bleiben.

Никакие уговоры съ нашей стороны не помогли. Пришлось принять и оставить у себя непрошенныхъ гостей.

Австрійскіе офицеры повѣдали намъ много интереснаго.

Съ нѣмцами у нихъ большіе нелады. Германцы помыкаютъ ими, оскорбляютъ, взваливаютъ всѣ неудачи на головы австрійцевъ и говорятъ: «Не будь васъ, мы бы въ 4 дня взяли Ивангородъ, въ 6 дней взяли Варшаву и теперь шли бы на Москву. Но намъ вѣчно приходится вырывать васъ изъ бѣды и ослаблять свои силы».

Офицеры германскихъ и австрійскихъ армій не подаютъ другъ другу руки и демонстративно отвертываются при встрѣчахъ.

Солдаты, въ особенности ландштурмисты, страшно недисциплинированы и увѣрены, что мы задавимъ ихъ одной численностью нашихъ войскъ.

Вотъ вамъ характерная фраза этихъ «героевъ», только и ждущихъ случая сдать въ плѣнъ: на вопросъ, къ какому полку они принадлежатъ, они быстро отвѣчаютъ: «Landsturm,—и сейчасъ же прибавляютъ—Zwei Kinder, drei Tage nichts gegessen».

Наши офицеры увѣряютъ, смѣясь, что у австрійцевъ Zwei kinder system и трехдневная голодовка утверждены закономъ.

ПЛѢННЫЕ ГЕРМАНЦЫ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Доставленная въ Петроградъ съ военно-санитарнымъ поѣздомъ партія военно-плѣнныхъ германцевъ представляла собой самую разнообразную компанію.

Въ числѣ ихъ находились военные германцы изъ интеллигентныхъ семей представители хорошихъ семей; были и просто крестьяне.

На распредѣлительномъ пунктѣ за чаемъ съ хорошими бутербродами плѣнные нѣмцы сдѣлались разговорчивыми и особенно привѣтливыми.

На каждый изъ вопросовъ, къ нимъ обращенныхъ, они охотно отвѣчали, дѣлаясь своими боевыми впечатлѣніями и восхваляясь храбростью и неутомимостью русскаго солдата.

Среди плѣнныхъ общее вниманіе обращалъ на себя исполняющій обязанности офицера Эмиль Кайдисъ и награжденный за дѣло подъ Сольдау желѣзнымъ крестомъ 2-й степени.

Кайдисъ—унтеръ-офицеръ 1-го гренадерскаго кронпринца полка.

Когда всѣ офицеры роты, въ которой онъ служилъ, были выбиты нашими войсками, эту роту велъ въ атаку противъ русскіхъ Кайдисъ.

И не смотря на то, что первая атака германской роты стоила по-

Нѣмецкій раненый плѣнный, охраняемый бельгійскими солдатами.

слѣдней большихъ потерь и была отбита, Кайдисъ вторично повелъ ее въ атаку.

Въ плѣнъ онъ попалъ подѣ Гумбиненомъ.

— Я былъ окруженъ вашими солдатами, — рассказываетъ плѣнный. — Одинъ изъ русскихъ занесъ на меня штыкъ. Я упалъ передъ нимъ на колѣни и вынулъ фотографію своихъ дѣтей, моля русскаго пощадить меня ради ихъ. И тогда меня взяли въ плѣнъ.

На распределительномъ пунктѣ вчера Кайдисъ показывалъ эту фотографію своихъ троихъ дѣтей.

Другой плѣнный все время твердилъ, что онъ до самой своей смерти не забудетъ тѣхъ благодѣяній, которыя ему оказала въ Вильнѣ, гдѣ онъ до Петрограда находился въ лазаретѣ, ухаживавшая за нимъ сестра милосердія П. Я. Павлова.

Нѣкоторые изъ шофферовъ, обслуживавшихъ автомобили по перевозкѣ раненыхъ съ распределительнаго пункта по петроградскимъ лазаретамъ и госпиталямъ въ доставленномъ плѣнномъ Густавѣ Вольгельмутѣ, узнали своего стараго знакомаго.

Вольгельмутъ по профессіи тоже шофферъ.

Нѣкоторое время до войны онъ жилъ въ Петроградѣ и служилъ въ качествѣ шоффера у одного изъ владельцевъ гаража.

Въ 1912 г. Вольгельмутъ въ качествѣ шоффера участвовалъ въ большой автомобильной гонкѣ изъ Кенигсберга въ Петроградъ и Псковъ.

Наконецъ, тотъ же Вольгельмутъ довольно долгое время жилъ въ Кіевѣ, гдѣ даже встрѣчалъ русское Рождество.

Вольгельмутъ сидѣлъ на распределительномъ пунктѣ съ перевязанной головой.

На подбородкѣ у него 4 сабельныхъ раны съ поврежденіемъ нижней челюсти.

Тѣмъ не менѣе, Вольгельмутъ сіялъ.

— Хотя я и въ плѣну, — говоритъ онъ, — но все же не на совсѣмъ чужой сторонѣ. Петроградъ я хорошо знаю и въ немъ встрѣчу Рождество.

Покидая распределительный пунктъ, плѣнные германцы крѣпко жали руки и благодарили за оказанное имъ вниманіе студентовъ-санитаровъ, позаботившихся объ ихъ перевязкахъ и угостившихъ ихъ прекраснымъ завтракомъ.

АВСТРІЙЦЫ И НѢМЦЫ ВЪ РУССКОМЪ ПЛѢНУ.

По сообщенію изъ Березовки, Забайкальской области, тамъ плѣнныхъ насчитывается до 9,000, изъ нихъ германцевъ до 800, а остальные все австрійцы.

Многіе изъ нихъ говорятъ по-русски, большинство православные.

Австрійцы живутъ очень не дружно съ германцами, ни въ коемъ случаѣ не соглашаются жить въ одной казармѣ.

Венгерцы также не дружатъ съ австрійцами.

На-дняхъ взводный австрійецъ посылалъ рядового венгерца на работу; послѣдній бросился съ ножомъ на австрійца, и спасъ его только русскій солдатъ.

КАЗАКИ И ПЛѢННЫЙ НѢМЕЦЪ. (Нѣмецъ... Прикуриль!).

Туманъ густой, влажный и холодный висѣлъ надъ землей...

Подвигаться въ немъ надо было осторожно, поминутно всматриваясь въ молочную мглу, не покажется ли силуетъ непріятельскаго пѣхотинца или всадника...

Казакъ ѣхалъ молча...

Копыта коней обернули соломой, чтобы они не стучали по гладкому, какъ паркетъ, заледенѣвшему шоссе...

Покуривали цыгарки и держали наготовѣ пики, свое вѣрное и страшное оружіе...

И вдругъ ѣхавшій впереди Сморчковъ сдѣлалъ какой-то знакъ.

Всѣ остановились.

Побросали цыгарки и всмотрѣлись внимательно во мглу...

У края дорги сидѣлъ какой-то человекъ, согнувшись и спустивъ ноги въ канаву... Кто онъ былъ: нашъ или нѣмецъ, разглядѣть было невозможно...

Сморчковъ соскочилъ съ лошади и, безшумно подбѣжавъ къ сидѣвшему, схватилъ его за плечи.

— Нѣмецъ!.. — вполголоса произнесъ онъ, валя толстаго пруссакъ на землю и отнимая отъ него винтовку.

Нѣмецъ, видимо, присѣлъ отдохнуть и теперь, когда его схватили казаки, не отбивался, онъ покорно отдалъ винтовку и пошелъ между всадниками, повернувшись назадъ...

Ѣхали обратно, уже оживленно переговариваясь съ шутками по поводу нѣмца, присѣвшаго отдохнуть, а тотъ безмолвно и скромно шагаль между казаками, только отдуваясь отъ усталости...

На опушкѣ остановились.

Казакъ закурилъ цыгарку, досталъ папиросу и нѣмецъ... Спичекъ у него не было, и пруссакъ потянулся за огнемъ къ Сморчкову...

— Дать что ли нѣмцу прикурить, а, братцы?.. — спросилъ смѣясь бородачъ.

— Дай ему... чего тамъ... веселѣе шагать будетъ...

Казакъ наклонился съ сѣдла и протянулъ цыгарку пруссаку, но тотъ въ эту минуту, совершенно не-

ожиданно бросивъ свою папиросу, быстрѣе чѣмъ казаки спохватились, выхватилъ свой штыкъ, забытый на немъ станичками, и всадилъ его въ икру Сморчкову...

Лошадь, которой клинокъ, пройдя сквозь ногу казака, вонзился въ бокъ, шарахнулась въ сторону, поскользнулась въ канаву и сбросила съ себя Сморчкова.

Это было одно мгновение... Въ слѣдующее нѣмецъ уже лежалъ на землѣ, а на немъ сидѣлъ, держа его за руки и горло, здоровенный бородастый казакъ...

— Ахъ ты, гадина нѣмецкая!.. Убить тебя мало...

— Не бей его, не бей, Василь, мы его начальству представимъ...

И подобравъ раненаго и разбившагося Сморчкова, развѣздъ тронулся обратно, ведя теперь уже на веревкѣ нѣмецкаго «курильщика»...

АВСТРО-НѢМЕЦКІЕ «ДРУЗЬЯ» ВЪ ПЛѢНУ.

Нѣсколько дней тому назадъ мнѣ пришлось ѣхать по Ташкентской жел. дор. На ст. «Перовскъ» нашъ поѣздъ встрѣтился съ направлявшимся въ г. Ташкентъ поѣздомъ, везшимъ военно-плѣнныхъ австрійцевъ и нѣмцевъ. Всего плѣнныхъ австрійцевъ было около 1.500 чел., а нѣмцевъ всего двое: офицеръ и рядовой. Меня невольно поразило то безцеремонное отношеніе австрійцевъ къ германцамъ, которое проявлялось въ каждомъ словѣ. Австрійцы съ какимъ-то презрѣніемъ говорили о нѣмцахъ и всячески старались выставить ихъ непривлекательно въ глазахъ русскихъ. Чувствовалась какая-то особенная враждебность, даже ненависть, которую австрійцы совершенно не скрывали.

ПЛѢННЫЕ НѢМЦЫ.

Въ Петроградъ прибыла партія военноплѣнныхъ германцевъ, взятыхъ въ послѣднихъ бояхъ въ районѣ рѣки Бзуры.

У двухъ германцевъ сорваны погоны и всѣ знаки отличія.

Полагаютъ, что это офицеры, не желающіе обнаруживать своего званія.

Они держатся высокомерно и не желаютъ отвѣчать на вопросы и даже разговаривать съ русскими.

Зато другіе нѣмцы говорятъ весьма охотно и восторженно от-

Раненый врагъ. Русскій солдатъ, приставленный для охраны раненаго австрійца, взятаго въ плѣнъ, съ заботливостью няньки склонился надъ своимъ бывшимъ врагомъ.

зываются о доблести и великодушій русскихъ войскъ.

Одинъ плѣнный германецъ призванъ изъ запаса.

Ему уже около сорока лѣтъ. На родинѣ онъ оставилъ семью и свое торговое дѣло.

Интересы кайзера, по словамъ плѣнныхъ ему совершенно чужды.

— Эта война совсѣмъ не нужна германскому народу,—говоритъ онъ.—Ее затѣялъ кайзеръ безъ одобренія народа и на горе всей Германіи и на разореніе нашей промышленности и торговли. Не будь строгихъ каръ—я не пошелъ бы воевать ни противъ Россіи, ни противъ ея союзниковъ.

Плѣнный передавалъ, что все время находился въ окопахъ; его взяли русскіе при атакѣ на германскую позицію.

Плѣнный былъ крайне радъ такому обороту дѣла и теперь всячески хвалитъ русскихъ за доброе и сердечное къ нему отношеніе.

Теперь онъ проситъ лишь о томъ, чтобы ему позволили написать женѣ, что онъ живъ и находится въ русскомъ плѣну въ полной безопасности.

НАШИ ПЛѢННЫЕ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Нѣсколько времени тому назадъ среди берлинской публики распространились слухи, что русскіе и французскіе военноплѣнные, находящіеся въ Германіи, пользуются, будто-бы, льготами и, вообще, удоб-

ствами, которыхъ не имѣютъ нѣмецкіе солдаты. Для успокоенія взволнованныхъ берлинцевъ мѣстный «Тагеблатъ» напечаталъ на эту тему пространную статью.

Газета категорически заявляетъ, что всѣ разговоры о томъ, что военно-плѣнные ведутъ въ Германіи пріятный и праздный образъ жизни, не имѣютъ подъ собою никакой почвы. Какъ русскіе, такъ и французскіе солдаты, захваченные на поляхъ сраженій, добываютъ въ потѣ лица тотъ хлѣбъ, котрый имъ отпускаетъ германское правительство. Они усиленно работаютъ, устраивая полигоны и площади для военныхъ упражненій, проводя дороги и каналы и т. п. Свобода ихъ весьма ограничена, и плѣнные все время находятся подъ самымъ строгимъ военнымъ надзоромъ.

Газета рассказываетъ далѣе, что и кормленіе военноплѣнныхъ происходитъ не просто, а согласно многимъ экономическимъ и военнымъ соображеніямъ. И въ этомъ дѣлѣ у нѣмцевъ царитъ такая-же предусмотрительность, какъ и во всемъ другомъ. Оказывается, что германское военное министерство установило нормы питанія военноплѣнныхъ, выработанныя специальной медицинской комиссіей подъ предсѣдательствомъ главнаго врача и генеральнаго интенданта. Въ этихъ нормахъ приняты во вниманіе, съ одной стороны, обычай, привычки и нравы національностей, а съ другой—использованіе для пропитанія военноплѣнныхъ такихъ продуктовъ, которые не играютъ господствующей роли ни

Партия нѣмецкихъ плѣнныхъ.

въ содержаніи германскихъ армій, ни въ питаніи самого народа.

Въ настоящее время каждый военно-плѣнный въ Германіи получаетъ около 500 граммовъ хлѣба ежедневно (360 граммовъ составляютъ нашу русскій фунтъ), причемъ, въ цѣляхъ сбереженія запасовъ зерна, къ хлѣбу примѣшивается нѣкоторое количество картофельной муки. Мясо дается лишь черезъ день и не больше полфунта на человѣка, главнымъ образомъ, свинина и солонина; въ остальные дни военно-плѣнныхъ кормятъ рыбой во всѣхъ видахъ и формахъ—соленой, сушеной, копченой и въ консервахъ. Значительное мѣсто отведено и молочнымъ продуктамъ, особенно сыру, а также овощамъ, культура которыхъ, какъ извѣстно, поставлена въ Германіи идеально. Плѣнные получаютъ соответственныя порціи бобовъ, гороху, кукурузы, рису и подсолнуховъ. Масла коровьяго плѣнные почти не получаютъ; оно замѣнено кокосовымъ и другими растительными маслами, а также маргариномъ. Чай не полагается, а вмѣсто кофе дается какой-либо суррогатъ, а иногда просто жидкій мучной или картофельный супъ. Спиртные напитки запрещены совершенно, а куреніе разрѣшено лишь въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Все сказанное относится къ солдатамъ, такъ какъ плѣнные офицеры должны кормиться сами, для чего имъ отпускаются извѣстныя средства, размѣра которыхъ газета, однако, не указываетъ.

«Такимъ образомъ», замѣчаетъ

«Берлинеръ Тагеблатъ», «наше правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы военноплѣнные имѣли здоровую, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самую простую пищу, чувствуя каждую минуту и секунду, что они находятся не въ гостяхъ, а въ плѣну во вражеской странѣ».

Офицерамъ разрѣшено жить на частныхъ квартирахъ, которыя находятся подъ постояннымъ и неослабнымъ наблюдениемъ наружной и тайной полиціи.

Газета находитъ, что все вышеизложенное является разумнымъ осуществленіемъ принциповъ гуманности и справедливости, забывая, однако, что эти принципы совершенно обезцѣниваются, если лица, проводящія ихъ на практикѣ, проникнуты къ этимъ принципамъ непримиримой ненавистью.

ЧУДЕСНОЕ ИЗБАВЛЕНІЕ ИЗЪ НѢМЕЦКАГО ПЛѢНА.

Въ Варшаву доставленъ солдатъ Тимофей Гаврилюкъ, раненый при особыхъ обстоятельствахъ. Онъ былъ захваченъ въ плѣнъ нѣмецкимъ разъѣздомъ близъ Сулеева.

Поставленный на ближайшій пунктъ въ занятую нѣмцами деревушку онъ былъ подвергнутъ серьезному допросу относительно прибытія на нашъ фронтъ новыхъ войсковыхъ частей.

Допрашивавшій его нѣмецкій офицеръ требовалъ, главнымъ образомъ, свѣдѣній о томъ, прибыли ли

на восточный фронтъ войска изъ одесскаго военного округа.

Гаврилюкъ отказался отвѣчать на вопросы.

Тогда офицеръ приказалъ связать его и объявить, что даетъ ему на размышленіе пару часовъ, послѣ которыхъ онъ будетъ немедленно застрѣленъ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства.

Черезъ часъ нѣмецкій отрядъ сталъ уходить изъ деревни.

Солдата привязали къ лошади и потащили за собою. По пути на отрядъ налетѣлъ большой казачій разъѣздъ. Во время паники къ привязанному солдату подскочилъ нѣмецкій офицеръ и выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ револьвера два раза.

Солдатъ упалъ и былъ затѣмъ взятъ казаками, которые привели его на перевязочный пунктъ.

КОШМАРЫ АВСТРІЙСКАГО ПЛѢНА.

Австрійцы сожгли на кострѣ сербскаго студента воина-добровольца.

Въ числѣ сербовъ, жившихъ за границей и возвратившихся на родину, чтобы вступить въ ряды сербской арміи, какъ только началась война, находился студентъ лозанскаго университета Іованъ Іовановичъ, родомъ босніецъ, сражавшійся въ Босніи и взятый тамъ въ плѣнъ.

Австрійцы привезли Іовановича вмѣстѣ съ нѣсколькими другими плѣнными въ Сербеницу.

Узнавъ о боснійскомъ происхожденіи Іовановича, австрійскія военныя власти рѣшили, что вмѣсто повѣшенія, ему нужно придумать исключительную казнь — сжечь его живымъ на кострѣ.

Сожженіе происходило на дняхъ въ Сербеницѣ, на большой городской площади, въ присутствіи всѣхъ другихъ военноплѣнныхъ и заложниковъ.

Іовановичъ, не потерявшій присутствія духа ни на мгновеніе, хотѣлъ произнести нѣсколько словъ къ товарищамъ, но успѣлъ только сказать, что смерть его не останется безплодной, какъ былъ сбитъ съ ногъ прикладомъ ружья. Потомъ нѣсколько австрійскихъ солдатъ схватили его и бросили на пылающій костеръ.

Нѣмцы-военноплѣнные въ Лондонѣ.

РУССКІЕ СТУДЕНТЫ ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ.

Членомъ Государственнаго Совета Ф. А. Ивановымъ представлено министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву полученное имъ письмо, описывающее чрезвычайно тяжелое положеніе русскихъ студентовъ во Фрейбургѣ, задержанныхъ тамъ въ качествѣ военноплѣнныхъ послѣ объявленія войны. Письмо это прислано убѣжавшимъ изъ германскаго плѣна студентомъ.

«Возвратясь изъ германскаго плѣна и еле живымъ добравшись до дорогой родины, я уполномоченъ всѣми моими товарищами, учившимися во фрейбургской горной академіи и томящимися еще и теперь въ германскомъ плѢнУ, гдѣ они находятся въ заточеніи въ арестантскомъ отдѣленіи въ Саксенбургѣ возлѣ Хемница (Саксонія), покорнѣйше просить васъ повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества наши искреннія и горячія вѣрноподданичскія чувства и желанія успѣха русскому оружію.

Положеніе русскихъ студентовъ очень печально. Съ момента объявленія войны всѣхъ русскихъ во Фрейбургѣ арестовали. По дорогѣ въ тюрьму насъ ругали, а нѣкоторыхъ

даже избили. Десять дней мы сидѣли въ тюрьмѣ во Фрейбургѣ. Потомъ насъ перевезли въ крѣпость Кенигштейнъ, гдѣ мы прожили много дней въ казематахъ. Оттуда насъ отправили въ исправительное отдѣленіе въ Саксенбургѣ, гдѣ мои товарищи по академіи сидятъ и понынѣ. Странія нашего ректора Кольбека чѣмъ-нибудь намъ помочь оказались безуспѣшными, особенно послѣ нашего исключенія изъ академіи. Жизнь и самочувствіе очень тяжеля. Мы отрѣзаны отъ всего культурнаго міра и совершенно беззащитные подвергаемся всевозможнымъ лишениямъ и оскорбленіямъ.

КОШМАРЫ НѢМЕЦКАГО ПЛѢНА.

«Арм. Вѣстн.» (№ 54) приводитъ слѣдующіе кошмарные рассказы о нѣмецкомъ плѢнѣ.

Бѣжавшій изъ плѣна 10-го ноября унтеръ-офицеръ Б-скаго полка Матвѣй Маликинъ пробылъ у нѣмцевъ три дня вмѣстѣ съ двумя офицерами и 30 нижними чинами, частью ранеными. Нѣмцы обращались крайне жестоко; со всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ сняли шинели и сапоги. Раненыхъ за отказъ отдать шинели били кулаками, при-

кладами и силой срывали съ нихъ одежду. При отступленіи заставляли нести тяжести и били кулаками и прикладами.

Въ заключеніе, еще одинъ случай, рассказанный освобожденнымъ нашими войсками унтеръ-офицеромъ.

Плѣнныхъ пригнали въ дер. А. и помѣстили въ большомъ сараѣ, гдѣ не давали ни хлѣба, ни воды. Тяжело раненые лежали у стѣнокъ сарая, легкіе—плотно стояли другъ съ другомъ, такъ какъ въ тѣснотѣ не было возможности ни присѣсть, ни прилечь. Такъ прошелъ день.

Вечеромъ вблизи все время была слышна перестрѣлка. Огонь то усиливался, то смолкалъ. Нѣмцы были сильно встревожены, часто забѣгали въ сарай и осматривали его углы и стѣны. На всѣ жалобы и просьбы дать хотя бы воды, отвѣчали хохотомъ и пинками. Когда стемнѣло, сарай былъ запертъ. «Мы,—рассказываетъ унтеръ-офицеръ,—не спали. Измученные, голодные ждали смерти; силы слабѣли. Ночная тишина нарушалась нашими стопами и хохотомъ враговъ. Вдругъ мы въ щели сарая видимъ, что на насъ направляются пулеметы. Мы кричимъ, молимъ — въ отвѣтъ все тотъ же смѣхъ, а вслѣдъ затѣмъ и стрѣльба. Пули съ трескомъ рѣшетили нашъ

Плѣнные нѣмцы во Франціи.

сарай и черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ наполненъ трупами. Въ живыхъ остался одинъ я. Стрѣльба прекратилась лишь тогда, когда изъ сарая не раздавалось болѣе ни одного стона. Я притворился мертвымъ и всю ночь пролежалъ среди предательски убитыхъ товарищей».

«Утромъ, — закончилъ свое повѣствованіе унтеръ-офицеръ, — продолжала усиливаться орудійная стрѣльба, вскорѣ смѣшавшаяся съ трескомъ пулеметовъ. Я слышалъ, какъ во дворѣ поднялась паника, какъ нѣмцы прыгали, бѣгали, пока, наконецъ, не раздалось охватившее всю деревню громкое «ура». Я былъ спасенъ».

ТУРКИ ВЪ ПЛѢНУ.

Пріѣхавшій изъ Хоя коммерсантъ передаетъ свои впечатлѣнія, полученныя при наблюденіи доставленныхъ въ Хой турецкихъ солдатъ и офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ въ послѣднихъ бояхъ на турецкой границѣ.

Какъ извѣстно, плѣнные полагаютъ, что всѣ они безъ исключенія подлежатъ повѣшенію и въ лучшемъ случаѣ разстрѣлу. Это-де дѣлается потому, что «русскимъ нечѣмъ кормить чужихъ людей и негдѣ ихъ держать».

Коммерсантъ рассказываетъ о происшедшей въ его присутствіи между плѣнными офицерами и солдатами ссорѣ, перешедшей почти въ драку.

— Я вѣдь приказывалъ вамъ, —

оралъ плѣнный турецкій офицеръ на своихъ солдатъ, — ни въ коемъ случаѣ не сдаваться въ плѣнъ, а бороться до послѣдней возможности. Не я ли твердилъ, мошенники, что въ крайнемъ случаѣ надо покончить самоубійствомъ! А теперь нравятся вамъ болтаться на христіанской веревкѣ, и быть закопаннымъ въ землю врага?.. Но, клянусь Аллахомъ, что если какимъ-нибудь чудомъ мы останемся въ живыхъ и намъ суждено будетъ вернуться на родину, всѣ вы будете задавлены, какъ собаки.

Солдаты молчали. Блѣдые, съ опущенными внизъ глазами, неподвижно стояли они, словно на судѣлѣ приговоренные къ смерти. Офицеръ продолжалъ ругать и упрекать ихъ и даже временами намѣревался пустить въ ходъ кулаки.

— Слава Аллаху, — наконецъ, заговорилъ одинъ старый солдатъ, — что у русскихъ не принято обезглавленіе, а то это было бы настоящее горе...

— Конечно, — подхватилъ другой, — Магометъ, вѣдь, не признаетъ на томъ свѣтѣ обезглавленныхъ.

Офицеръ не слушалъ ихъ и, какъ звѣрь въ клѣткѣ, метался въ разныя стороны, выражая крайнюю степень ярости. При этомъ онъ часто становился на случайное возвышеніе и съ ужасомъ глядѣлъ по сторонамъ, очевидно, боясь увидѣть висѣлицу.

— При видѣ этой сцены, — рассказывалъ купецъ, — сердце у меня стало надрываться. И, забывъ всю свою ненависть къ этимъ извергамъ, я заговорилъ съ ними на ихъ языкѣ и сталъ увѣрять, что ихъ опасенія не имѣютъ никакого основанія, и

что никогда примѣра не было, чтобы русскіе убивали плѣнныхъ.

— Значитъ, офицеръ вретъ? — торопливо спросилъ одинъ молодой солдатъ съ мгновенно просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Все равно, — продолжалъ офицеръ, дѣлая видъ, что не слышалъ заявленія купца, и въ то же время облегченно вздыхая, — этимъ негодяямъ не одобровать. Если русскіе оставятъ ихъ въ живыхъ, я ихъ перебью собственноручно.

Когда плѣнники убѣдились, что ихъ жизни, внѣ опасности, то совершенно переродились. Ихъ согбенныя фигуры выпрямились, и съ лицъ исчезла блѣдность.

Офицеръ продолжалъ ругать ихъ и грозить имъ всяческими карами за малодушіе, но теперь они уже не обращали на него вниманія и даже снисходительно подсмѣивались. А старый солдатъ, видимо, вышелъ изъ терпѣнія и, подойдя къ офицеру, громко крикнулъ:

— Сасинъ къясъ, кеопакъ оглы! (Замолчи, собачій сынъ!).

КАКЪ БЕРУТЪ ВЪ ПЛѢНЪ. Плѣненіе въ воздухѣ.

Нѣтъ словъ, чтобы описать всю красоту воздушнаго сраженія, которое мнѣ пришлось наблюдать нѣсколько дней тому назадъ.

Было раннее утро, когда надъ нашими войсками, стоявшими невдалекѣ отъ города П., взвился германскій аэропланъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько круговъ надъ нашими войсками, какъ на воздухъ поднялись и быстро стали подвигаться по направленію къ нѣмцу два нашихъ аэроплана.

Скоро наши летчики перерѣзали дорогу нѣмцу, закрывъ для него путь назадъ, къ мѣсту расположенія нѣмецкихъ войскъ.

Нѣмецкій авіаторъ, повидимому, рѣшилъ все же добиться возможности вернуться къ своимъ и рѣзко началъ подыматься вверхъ, думая, вѣроятно, пролетѣть надъ нашими летчиками.

Маневръ нѣмца не удался, такъ какъ слѣдомъ за нимъ взвились кверху и наши летчики, причемъ держались оба такъ, что нѣмецъ оказался между ними.

Съ громаднымъ интересомъ слѣдили снизу за воздушной атакой, которая уже продолжалась нѣсколько минутъ.

Былъ моментъ, когда всѣ три аппарата оказались на одномъ уровнѣ, причемъ они держались на такой вы-

соть, что снизу казалось, будто они не двигаются съ мѣста, а висятъ въ воздухѣ.

Вдругъ нѣмецъ рѣзко бросился внизъ, думая, вѣроятно, затѣмъ кинуться въ сторону. Но слѣдомъ за нимъ, какъ два конвоира, опустились и наши летчики.

Тогда нѣмецъ снова пустился вверхъ, забираясь все выше и выше.

И снова за нимъ поднялись наверхъ наши летчики.

Въ концѣ-концовъ, наши, преслѣдуя врага снизу, загнали его на такую высоту, что, какъ оказалось потомъ, весь аппаратъ его покрылся инеемъ, пропеллеръ сталъ работать неправильно, а самъ летчикъ началъ замерзать.

Не видя другого исхода, нѣмецъ съ громадной высоты опустился въ черту нашего расположенія планирующимъ спускомъ.

Слѣдомъ за нимъ, конвоируя его съ двухъ сторонъ, плавнымъ, красивымъ планирующимъ спускомъ сѣли на землю наши герои-летчики. Германскій авіаторъ былъ взятъ въ плѣнъ.

ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПЛѢНУ.

Изъ писемъ военного врача).

ВЪ ЛАЗАРЕТѢ.

Я былъ въ полевомъ подвижномъ госпиталѣ, — это госпиталь тыловой, и мы были приблизительно въ 30—35 вер. отъ линіи боя, но черезъ дней 8 уже перешли границу. Затѣмъ, когда у насъ началось отступление, насъ послали въ Г., какъ мѣсто болѣе близкое къ границѣ. Нѣмцы, взяли Г. черезъ нѣсколько часовъ по нашемъ туда прибытіи. Активныхъ войскъ въ Г. уже не было (мы — самостоятельный госпиталь съ обозомъ своимъ, своими солдатами-санитарами но, конечно, для сраженія у насъ не было ружей, да мы, какъ Красный Крестъ, и не имѣемъ права сражаться). Часть нашего обоза, всѣ врачи (1 главный и 3 ординатора), 4 сестры милосердія, фармацевтъ и 2 чиновника (бухгалтеръ и помощникъ смотрителя) съ 40 солдатами-санитарами зашли въ мѣстный Красный Крестъ (надъ городомъ рвались шрапнели, путь былъ загроможденъ). Мы зная, что согласно Женевской конвенціи, Красный Крестъ и его представители плѣнными не считаются, были сравнительно спокойны за нашу участь. Въ Красный Крестъ скоро достави-

Французскіе солдаты угощаютъ нѣмецкихъ плѣнныхъ.

ли нѣсколько раненыхъ нѣмецкими же снарядами жителей нѣмцевъ, и мы оказали имъ первую помощь, зашили, перевязали раны и пр. (между прочимъ, до того, какъ мы попали въ зданіе Краснаго Креста, въ насъ изъ окопъ стрѣляли жители изъ револьверовъ, несмотря на наши повязки Краснаго Креста. Къ счастью никто не былъ раненъ). Теперь это вспоминается быстро, въ письмѣ много не скажешь, но впечатлѣнія были весьма яркія.

Скоро прибыла нѣмецкая кавалерія. Насъ собрали въ одну комнату, отняли оружіе и всѣхъ (съ солдатами 50 человекъ) заперли (въ 3-мъ этажѣ) въ комнату на двѣ кровати. Поставили парашу и не разрѣшили открывать окна. Сестеръ помѣстили въ другой комнатѣ. Ночью привели еще плѣнныхъ.

Весь этотъ день мы провели въ пути и ничего не ѣли. На другое утро (я отъ недостатка кислорода и воня едва дышалъ), намъ дали по чашкѣ кофе и повели во дворъ тюрьмы. За эту ночь и утро привели массу русскихъ плѣнныхъ.

Выстроивъ насъ во дворѣ, майоръ и врачъ (нѣмецкіе) 10 Jeger zu Pferd Regiment. Dr. Rozenfeld, обыскали всѣхъ, взявъ два мѣшка,

одинъ для бумажныхъ, другой для серебряныхъ денегъ, и заявили, что всѣ деньги мы должны отдать (мы заявили, что это—частныя деньги, но это не помогло).

Одинъ солдатъ спрягалъ что-то въ сапогъ. Его раздѣли до-гола и полосовали хлыстами. У меня лично тоже отобрали 130 р., затѣмъ перочинные ножки, полевые бинокли, а солдаты сами ужъ отъ себя отбирали часы. Лишивъ всего и оставивъ лишь то, въ чемъ мы были, насъ оставили въ комнатѣ, а солдатъ — подъ открытымъ небомъ. Весь этотъ день (уже второй), а также слѣдующій (уже третій) мы провели совершенно безъ пищи, развѣ кто изъ часовыхъ дастъ кусочекъ хлѣба. Солдаты же еще мокли подъ дождемъ, многіе даже безъ шинелей. Спали мы на полу, столъ и пр. На третій день вечеромъ насъ повели въ казарму и тамъ дали по тарелкѣ супу съ клочьями мяса безъ хлѣба. Затѣмъ насъ перевели въ казарму, гдѣ на полу и нарахъ положили сѣнники, конечно, безъ всякихъ подушекъ и простынь.

Ежедневно одинъ разъ въ день, приблизительно часа въ 4 дня, насъ водили въ кормежку (все та же тарелка супа), хлѣбъ по 1/2 ф. на че-

Нѣмецкіе военно-плѣнные въ Англи, въ г. Кимберлей.

ловѣка намъ дали лишь на 4-й день. Ни горячей воды, ни кофе,—ничего, кромѣ тарелки супа въ день. За это время привели много офицеровъ и солдатъ. У нихъ уже деньги у многихъ сохранились.

На 6-й день плѣна послѣ такой діеты насъ подняли въ 5 часовъ утра, дали по $\frac{1}{2}$ хлѣба и отправили въ путь, въ Ангербургъ. Расстояние въ 48 километровъ мы сдѣлали въ одинъ день; на отдыхъ дали 20 минутъ. Колонна была почти въ $4\frac{1}{2}$ тысячи солдатъ, офицеровъ и врачей около 60. Другихъ словъ, кромѣ Schweine-Hünde, мы въ дорогѣ не слышали. Двухъ солдатъ, оставшихъ и упавшихъ отъ изнеможенія, пристрѣлили.

Часовъ въ 9 прибыли. Намъ дали комнату, гдѣ мы свалились на голый полъ. Ни сѣна, ни соломы, ни горячей воды,—ничего. На другой день намъ за деньги (за насъ платили имущіе) дали супу и въ 4 часа дня насъ посадили въ поѣздъ. У меня очевидно сдѣлалось воспаление суставовъ, такъ какъ не усталость, а острую, невыносимую боль я испытывалъ при малѣйшемъ движеніи. На дорогу намъ дали по $\frac{1}{2}$ хлѣба и посадили по 35 человекъ въ вагонъ 4-го класса. 2 ночи я спалъ подъ скамейкой, 1 ночь сидя, 2 дня стоя. Въ общемъ, 3 ночи и 2 дня ѣздили пока прибыли 13-го сентября въ Нанн. По дорогѣ въ 2-хъ мѣстахъ были продовольственные пункты, гдѣ дали намъ колбасы и хлѣба.

Въ Готбусѣ насъ повели въ ресторанъ, гдѣ за деньги могли ѣсть. Намъ пришлось лишь одол-

жить денегъ, чтобы купить хлѣбъ и смотрѣть, какъ другіе ѣли. Когда мы прибыли въ Halle, насъ помѣстили въ зданіи фабрики и обыскали вплоть до сниманія сапогъ, личныхъ денегъ не отнимали, но у насъ ихъ и такъ не было. За деньги намъ предложили покупать съѣстное въ устроенной тутъ же лавкѣ; хозяйинъ лавки давалъ намъ по одной маркѣ ежедневно въ долгъ, и на нее мы питались. Затѣмъ мы получили по 15 марокъ авансу, и 1-го октября новаго стиля получили по 50 марокъ, какъ и прочіе плѣнные офицеры: мы тогда расплатились съ буфетчикомъ, купили по смѣнѣ бѣлья и прочія мелочи. Все время въ Halle около 20 дней, мы спали на кирпичномъ полу, на мѣшкахъ (соломой набитыхъ), безъ подушекъ и простынь, лишь два тонкихъ одѣяла замѣняли намъ все. Вотъ мы были въ Halle, а вдругъ насъ перевезли въ Стендаль.

Конечно, всего не опишешь. Здѣсь была подана жалоба нѣмецкимъ фельдфебелемъ коменданту на русскаго врача, живущаго при лазаретѣ (они имъ недовольны, такъ какъ онъ показываетъ всегда главному нѣмецкому врачу побитыхъ ими русскихъ солдатъ; а бьютъ здорово!); въ результатъ его (коллегу) привели сюда, какъ оштрафованнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнили строгости и ко всѣмъ; такъ и мы не позволили выходить, да и французовъ и другихъ троихъ коллегъ не пускали во дворъ.

Б—ъ.
(«Б. В.»).

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНІЕ СЪ ПЛѢННЫМИ.

(Изъ высокоавторитетнаго источника).

Бѣжавшій изъ германскаго плѣна въ Везель французскій солдатъ сообщилъ, что военнопленные французы въ Фридрихсфельдѣ подвергаются крайне грубому обращенію.

Ихъ выводятъ по утрамъ на ученье съ 8 до 11 и съ 1 часа до 4-хъ.

Большинство военнопленныхъ—солдаты территориальныхъ войскъ въ возрастѣ 38—43 лѣтъ, взятые въ плѣнъ въ Мобезѣ.

Военнопленные получаютъ крайне скудную пищу.

Утромъ имъ даютъ ячменный отваръ безъ хлѣба, обѣдомъ служить порція чернаго хлѣба и похлебка.

Хлѣбъ вѣситъ около 300 граммовъ.

Каждому военно-плѣнному отпускаютъ также небольшой кусокъ мяса.

Такъ какъ топлива крайне мало, то похлебка подается недоваренная.

Военнопленнымъ не разрѣшаютъ распоряжаться собственными деньгами, вслѣдствіе чего нѣкоторые крайне исхудали и ослабли.

Дѣло доходитъ до того, что многіе изъ этихъ несчастныхъ обыскиваютъ ящики для отбросовъ, желая найти въ нихъ хоть крохи пищи.

Дисциплина крайне строгая.

За малѣйшую провинность виновнаго привязываютъ къ столбу, къ которому на высотѣ 1 метра 25 сантим. прибита перекладина.

Руки привязываютъ къ перекладинѣ и прикрѣпляютъ цѣпью, которая на спинѣ запирается висячимъ замкомъ.

Въ такомъ положеніи несчастные остаются въ теченіе двухъ часовъ.

Эта ужасная пытка особенно мучительна во время дождя и въ холодную пору.

Позорные столбы выставляются обыкновенно около дорогъ. Прохожіе издѣваются надъ несчастными, закованными въ цѣпи французами.

(«Б. В.»).

ЛАГЕРЬ ПЛѢННЫХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Военный органъ «Bulletin des armées» печатаетъ письмо швейцарца, посѣтившаго лагерь плѣнныхъ солдатъ въ Германіи:

Авторъ письма утверждаетъ, что плѣнныхъ кормятъ плохо, что съ ними обращаются грубо, ихъ бьютъ, заставляютъ исполнять весьма тяжелыя работы; смертность среди нихъ весьма высока.

Германскіе врачи, стремясь снять съ себя всякую отвѣтственность, заявляютъ, будто французы почти всѣ страдаютъ туберкулезомъ.

Авторъ приходитъ къ заключенію, что французскимъ солдатамъ лучше умирать на полѣ сраженія, чѣмъ сдаваться въ плѣнъ германцамъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНСКАГО ПЛѢНА.

Г. Скиталець, корресп. «Газ. Кол.» рассказываетъ о слѣдующей перепискѣ.

Нѣкто З., постоянный житель Варшавы, бывший съ женою и 2 маленькими дѣтьми во время объявленія войны въ одномъ изъ германскихъ курортовъ, былъ задержанъ нѣмцами—и не отпущенъ до сихъ поръ.

Хотя онъ имѣетъ, такъ называемый, «бѣлый билетъ», но нѣмцы не отпускаютъ его въ Россію, какъ военнообязаннаго.

Мѣсяца полтора тому назадъ вернулась няня маленькихъ дѣтей, русская баба, которую нѣмцы освободили.

Она рассказала, что семейство живетъ въ Берлинѣ; все бы можно было терпѣть, но заставляютъ по 2 раза въ день— въ 7 ч. утра и въ 6 ч. вечера являться въ полицію—всей семьей, даже съ маленькими.

Еще рассказывала няня, что хлѣбъ очень плохой въ Берлинѣ, а больше узнать отъ нея ничего не удалось.

Теперь, съ случайнымъ пріѣзжимъ изъ Даніи, отъ З. его варшавскіе родственники получили, наконецъ, первое письмо.

Хотя это письмо миновало нѣмецкую цензуру и было передано изъ рукъ въ руки, но З., очевидно, боясь, писалъ очень сдержанно.

Тѣмъ не менѣе— въ письмѣ проскользнули нѣкоторые штрихи, очень характерные и цѣнные для уразумѣнія настроенія въ Берлинѣ. Надо указать, что З.—человѣкъ интеллигентный; хотя русский, но окончилъ въ Германіи гимназію и университетъ и имѣетъ званіе нѣмецкаго доктора правъ.

Это значитъ, человѣкъ, могущій критически относиться къ обстоя-

тельствамъ,—и все-таки онъ всецѣло поддался обману нѣмцевъ.

Письмо къ своимъ роднымъ онъ адресовалъ не въ Варшаву, а въ Москву, объяснивъ это такъ:

«Вы, конечно, давно покинули Варшаву, такъ какъ я знаю ваши взгляды. Догадались ли вы хоть увезти гобелены изъ моей квартиры?»

Впрочемъ, на случай, если бы письмо все-таки попало въ нѣмецкія руки, З. пишетъ:

«Не подумайте, что я боюсь, чтобы нѣмцы не забрали моихъ гобеленовъ: но вѣдь они могли погибнуть при бомбардировкѣ и пожарахъ».

Итакъ,—письмо вышло изъ Берлина всего 11 дней тому назадъ,—они тамъ увѣрили всѣхъ, что Варшава бомбардировалась, сожжена и уже взята нѣмцами.

Далѣе З. пишетъ:

«Возможно, что меня все-таки

Плѣнный германецъ.

отпустить. Куда ѣхать? Постарайтесь доставить мнѣ указаніе. Я думаю, что всего безопаснѣе было бы намъ съ дѣтьми отправиться въ Лодзь, къ тетускѣ Натальѣ Николаевнѣ».

Нѣмцы, значитъ, заставили думать, что въ Лодзи, подъ ихъ эгидой, царитъ полная безопасность—и туда можно совершенно спокойно ѣхать даже съ маленькими дѣтьми.

Но—вранье, враньемъ, а дѣло—дѣломъ.

И З., видимо, самъ не замѣчая противорѣчія, пишетъ далѣе:

«Вы переводите мнѣ деньги черезъ испанское посольство, которое платитъ 190 марокъ за 100 рублей. Пожалуйста, не дѣлайте этого болѣе, а постарайтесь присылать мнѣ рубли, такъ какъ здѣсь, въ Берлинѣ, охотно платятъ за наличные рубли 215 марокъ, т. е.—нормальную стоимость».

Такимъ образомъ, выходитъ, что Варшаву они будто бы взяли, но курсъ русскихъ денегъ у нихъ не понизился ни на 1 пфенингъ.

Общество имъ еще удастся обманывать, но коммерческіе круги на эту удочку не попадають.

Родные З. отвѣтили ему телеграммой черезъ Копенгагенъ:

«Гобелены цѣлы, Варшава тоже; пріѣзжай прямо на Медовую; винтъ, какъ всегда, по пятницамъ».

ТУРЕЦКІЯ ИЗДѢВТЕЛЬСТВА НАДЪ ПЛѢННЫМИ.

На войнѣ отъ случайнаго плѣненія, особенно во время развѣдокъ никто не гарантированъ. Поэтому понятно, что и нашимъ доблестнымъ воинамъ приходится иногда попадаться въ плѣнъ къ туркамъ. И тяжекъ же для нихъ, родненькихъ, этотъ басурманскій полонъ! Охъ, какъ тяжекъ!

Турецкая жестокость въ обращеніи съ плѣнными общезвѣстна, но въ эту войну она слабѣе еще элементомъ нѣмецкаго изуверства, того, самаго, отъ котораго съ первыхъ же дней войны содрогнулся и преисполнился глубочайшаго негодованія весь міръ.

Лицо, прибывшее по дѣламъ службы въ Севастополь съ передовыхъ позицій кавказской арміи,— вотъ что рассказываетъ объ участи нашихъ плѣнныхъ солдатъ въ Турціи:

— Прежде всего турки всѣхъ, кто изъ нашихъ живымъ попадаетъ въ критическую минуту въ ихъ ру-

ки, раздѣваютъ чуть не до-гола и ограбленную такимъ образомъ амуницію надѣваютъ на себя.

Ограбивъ плѣнныхъ и нарядивъ ихъ въ свои лохмотья и рубища, турки запираютъ свои жертвы въ какое-нибудь холодное помѣщеніе, вродѣ сарая, хлѣва или конюшни, гдѣ тѣ, полураздѣтые, полузамерзшіе, окоченѣвшіе, на голой, твердой и холодной, какъ ледъ, землѣ и вынуждены валяться.

Кто рѣшается протестовать противъ отбрана своихъ вещей и, вообще, роптать и упрекать своихъ тирановъ въ ихъ гнусности и безчеловѣчности, тѣхъ турки или жестоко избиваютъ прикладами ружей, или же совсѣмъ убиваютъ.

Мало того, азіатскіе изувѣры нашихъ плѣнныхъ подвергаютъ еще ужаснѣйшимъ пыткамъ съ цѣлью вырвать у нихъ признаніе о количествѣ, вооруженіи и расположеніи нашихъ войскъ.

Однимъ изъ примитивныхъ по простотѣ и въ то же время самыхъ утонченнѣйшихъ по своей дьявольской жестокости способовъ подобнаго «развязыванія языка» является, между прочимъ, замораживаніе плѣнныхъ. То есть, раздѣваютъ человека на-голо, привязываютъ къ дереву или столбу и на 30% морозѣ обливаютъ его водой до тѣхъ поръ, пока несчастный страдалецъ не скажетъ что-либо цѣнное или не обратится въ безжизненный ледяной столбъ...

Отъ рассказовъ объ ужасахъ

турецкаго плѣна сердце обливается кровью, въ душѣ закипаетъ жажда мести и хочется крикнуть такъ, чтобъ камни затрепетали:

— Изверги, берегитесь справедливаго гнѣва Россіи! Она заставитъ васъ отвѣтить за каждый волосъ, за каждую пролитую каплю крови, за каждый стонъ ея сыновъ.

М. Фемидинъ.
(«Газ. Коп.»).

ВОЕННОПЛѢННЫЕ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Изъ дипломатическихъ источниковъ, мы узнали, что положеніе военноплѣнныхъ, какъ русскихъ, такъ и нашихъ союзниковъ и, особенно, англичанъ, въ Германіи, съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе невыносимымъ. За послѣднее время среди военноплѣнныхъ англичанъ совершаются ежедневно нѣсколько казней. Установлены, напр., такіе факты. Къ группѣ плѣнныхъ солдатъ великобританской арміи подходитъ нѣмецкій офицеръ и плюетъ кому-нибудь изъ нихъ въ лицо. Англичанинъ отвѣчаетъ провокатору пощечиной, въ результатъ — нѣсколько человекъ казненныхъ. Подобныя провокаторскія попытки практикуются нѣмцами ежедневно. Попытки путемъ международныхъ сношеній протестовать противъ подобнаго обращенія германскихъ властей съ плѣнными ни къ чему не приводятъ, и

положеніе плѣнныхъ становится съ каждымъ днемъ все хуже.

(«Веч. Вр.»).

ГЕРМАНСКАЯ НАГЛОСТЬ.

Около мѣсяца тому назадъ германскія власти объявили нашимъ гражданскимъ плѣнникамъ, что освобожденіе ихъ откладывается на неопредѣленное время.

— Чѣмъ вызвана задержка? — поинтересовались наши соотечественники.

— Неуваженіемъ русскаго правительства къ нашимъ требованіямъ, — отвѣтилъ нѣмецъ. — Мы требовали, чтобы Россія освободила нашихъ инженеровъ, коммерсантовъ и другихъ лицъ, которые, вернувшись въ Германію, могли бы принести пользу своему отечеству, но намъ отказали...

— Но, вѣдь, всѣ эти коммерсанты и инженеры, — возразилъ нашъ соотечественникъ, занимающій видное положеніе, — проживъ въ Россіи по нѣсколько лѣтъ, запаслись такой «освѣдомленностью», которую, несомнѣнно, вашъ штабъ использовалъ бы теперь во вредъ нашей арміи...

— А то какъ же! Конечно, использовалъ бы.. На то война... — развязно сказалъ нѣмецъ и добавилъ:

— За эту несговорчивость заплатите вы, плѣнники. Мы васъ не выпустимъ отсюда до полного удовлетворенія нашихъ требованій...

(«Нов. Вр.»).

Какъ они попали въ Варшаву.